

Выпавшие из времени завсегдатаи букинистических лавок и «окраина жизни» типа Кольчева, трусоватая интеллигенция и полные надежд студенты — в пространстве романа все они чувствуют одно, все делают одно, и всех ждет один финал.

А Гвирцман, Гордон, Крастышевский — герои ведь явно пришлые, явно отделенные, и, может, потому они яснее других чувствуют свою вину и даже сознают, в чем она. Беда в том, что вина и ответственность — разные вещи, а на русской земле — и вовсе, почти противоположные. И даже если действительно виноваты такие, как Борис Гордон, ответственность за них всегда несут такие, как Леня.

А Леня ничего не знает и, может быть, даже еще не предчувствует. В воскресное летнее утро Леня впервые показывает маленькой дочке лес — сильнейшая сцена романа, лучше всех тюремных, курортных, постельных, пейзажных, та самая четвертая часть, в которой «главный посыл». Его жизнь «вообще налаживалась», кругом грибы и земляника, и это утро удивительное, и кругом разноцветные бабочки, и сейчас они купят теплого парного молока — «Наташа подумала, что так хорошо ей тоже никогда еще не было, но теперь, конечно, будет много раз».

И в такое утро Леня встречает катастрофу, в которой виновен меньше всех, встречает самым достойным и мужественным образом. Что будет дальше, мы уже знаем: там, где война разрубит чужие гордые узлы — именно там же она насквозь прорезет жизнь всех таких Леней и маленьких Наташ.

Никто не говорил, и репродуктор тоже ничего не говорил, вообще не было ничего, кроме музыки; но он догадался.

Анастасия СОПИКОВА

«ГОЛОМЯНОЕ ПЛАМЯ»: КАРЕЛЬСКИЙ УГОЛОК В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Новиков Д. Г. Голомяное пламя. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2017. 349 с.

Карельского писателя Дмитрия Новикова нельзя назвать неизвестным — его произведения публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Север», «Carelia». Но это были рассказы (например, наиболее известный сборник «Муха в янтаре»). Первый же (и пока единственный) роман писателя был номинирован на «Русский Букер» и даже попал в шорт-лист премии. Чем же он смог завоевать благосклонность критиков и любовь читателей (о которой можно судить по различным отзывам и рецензиям)?

Стоит оговорить, что книга эта встретила меня (а я — ее) не случайно, и только она могла так сильно отозваться в моей душе. Большим потрясением было встретить в списке номинантов «Русского Букера» знакомую фамилию. Фамилию писателя, живущего со мной в Петрозаводске в одном доме. Но дело здесь не только в землячестве и какой-то патриотической гордости, дело в особой, если хотите, энергетике текста.

Для меня роман «Голомяное пламя» в первую очередь — роман о малой родине, о Карелии. Природа, так любовно описанная Дмитрием Новиковым, — это связующая нить всего повествования и его атмосфера. Это не фон для жизненных перипетий отдельных людей или даже всего народа, а то главное, что приковывает внимание и заставляет по нескольку раз перечитывать целые абзацы. Именно она служит общим местом для таких, казалось бы, разрозненных эпизодов, из которых в сказовой манере складывается повествование.

Посмотрел Гриша на небо, глаза протер — нет, не снится. Таких красок ни разу в жизни не видел. Тучи пурпурные плоской стаей сплошной идут, словно птицы райские летят. Перед ними небо голубое с прозолотиной, нежное, как глаза младенца новорожденного. Край стаи от солнца ярким золотом сияет, глазам смотреть больно, словно купола в небесах опрокинулись. Дальше в тучах золото на нет сходит и появляются прожилки красные, сначала алые, потом все кровавее и кровавее. И тучи все темнее и темнее, не пурпур уже, а тяжелая грубая синь. И прожилочки кровавые все тоньше, тоньше, потом исчезают совсем. На востоке же мрачно, чернота злая, и молнии кое-где беззвучно посверкивают. Все это над зеркалом водяным, отражается в нем сполна, ни ветерка на море, восточный поверху идет.

Конечно же, здесь нельзя не вспомнить многочисленные отзывы критиков, сравнивающих Дмитрия Новикова с писателями-деревенщиками и даже называющих его «неодеревенщиком». Это возвращение к корням, это то, что в современной урбанизированной жизни эпохи постиндустриализации отошло куда-то далеко-далеко, даже не на второй план.

На широком косогоре, у самого устья бурливой Керети раскинулась деревня Кереть, нежилая. Раскинулась и лежит. Лежат на земле останки домов, еле угадываемые в высокой густой траве, разнuzданно расцвеченной желтыми, синими, белыми пятнами роскошных луговых цветов. Лежат на погосте старые поморские кресты, сквозь белесое древнее дерево которых проросла многолетняя брусника. Лежит тихо, незаметно фундамент большой церкви, что раньше гордой белой птицей, вот-вот готовой взлететь, окрыляла всю округу восторгом светлой радости. Неясными, размытыми террасами лежат бывшие улицы — верхняя, нижняя, средняя. Внизу синее равнодушное Белое море. На том берегу залива развалились останки судоверфи. Над всем этим носятся ласточки.

Вообще, «Голомяное пламя» удачно вписывается в историко-литературный процесс, вызывая ассоциации не только с целыми направлениями, но и со многими книгами.

Это и гладкобокими камушками разбросанные по тексту поморские слова, как татарские — у Гузели Яхиной в «Зулейхе...». Слова эти взяты в большинстве своем из словаря поморского языка. И тем удивительнее встречать проставленные ударения в таких родных и с детства знакомых словах типа «самолóвки», которые к поморским не относятся.

Ну уж ветра любой помор перечтет без запинки, жизнь от этого часто зависит — поймать да определить вовремя, какой грядет. Тут уж я вовсю старался:

— Восток, полуношник, сивер, побережник, русский, обедник, шелонник.

Одно из таких диковинных слов звучит уже в названии романа, настраивая читателя на что-то ему неизвестное, сокрытое, но почему-то глубоко родное и интуитивно понятное: «Голомяное пламя». Полногласное звучание «голомянный» в сочетании с неполногласным «пламя» напоминает поговорку «Из огня да в полымя», и вот уже повеяло чем-то старинным, размеренным, деревенским. Заглянув в словарь Даля и этимологическую словарь Фасмера, узнаем, что «голомя» — открытое море, море вдали от берегов. В самом романе тоже есть сноска: «Голомя — открытое море, даль морская» («Словарь живого поморского языка» Ивана Дурова). Это подтверждает и главный герой Гриша:

— Во дает шороху! — Михаил просветлел лицом, глядя на бешенство воды и ветра. — В голомя сейчас не сунешься. Знаете, что такое голомя?

Гриша рад был знать:

— Открытое море — голомя. Дед так говорил.

Лучшей иллюстрацией будет описание открытого Белого моря в тексте: *«Море же, если островами закрыто, — будто река широкая, медленная, неподвижная, течет себе вдаль бескончаемо, бесповоротно. Если острова далекие — висят они в воздухе, с облаками сливаясь, красоту свою в легкости подтверждая. Дунь, кажется, и понесутся прочь веселой гурьбой. Но уж если голомя открылось — тут праздник душе. Не знаю, не могу понять — почему открытая голубая гладь эта так возбуждает все лучшие чувства в человеке. Тут тебе и радость свободы, и печаль за не могущих с тобой эту радость разделить, и мужество какое-то изначальное, когда лишь на Бога надежда да на свое неплошание».*

Но это «голомя», само море. А что же такое «голомяное пламя»?

Но Гриша уже не слушал. Прямо перед ними, в успокоившемся море, на воде, на голубой поверхности ее, лежала радуга. Не в небе, не вертикально, а плашмя, охватив залив, и дальше в открытое море; лежала она, яркая, чистая, словно из воды вышедшая, глубиной омытая, солнцем рожденная.

— Чудо, чудо какое! — зашептал Гриша. — Смотрите, первый раз в жизни вижу, прямо на воде лежит! Голомяное пламя — дед говорил! Я не понимал раньше!!!

Так объясняется загадочное название романа.

Как метко сказал когда-то Белинский, художественное произведение, выросшее из мысли художника, является «совершенно особым, цельным и замкнутым в самом себе миром, в котором все части соразмерны целому, и каждая, существуя сама по себе и сама собою, составляя замкнутый в самом себе образ, в то же время существует для целого, как его необходимая часть, и способствует впечатлению целого». Эта цитата как нельзя лучше описывает роман, словно собранный из различных кусочков, ситуаций, даже в какой-то мере самостоятельных рассказов. Перед читателем — имитация хроникального повествования, при этом главы не имеют нумерации, только названия, построенные по одному типу: место и время. Если говорить о современной литературе, то это такая же смесь жанров, голосов, эпох, как в «Лестнице Якова» Людмилы Улицкой. Это прыжки во времени: из жития Варлаама Керетского в Петрозаводск образца 2003 года, из него — в начало XX века и обратно в XVII.

О преподобне отче наш Варлааме, яко имеяй дерзновение ко Творцу, Избавителю всех, Иже в Троице Святей покланяемому истинному Христу, Богу нашему, помяни нас в молитвах своих и всех нас моления, Богу возсылаемая, прими и принеси ходатайственне. Молим тя, избави нас от душевных напастей, и на мори зельнаго обуревания, и потопления морскаго невредимы сохрани, и от всех видимых и невидимых враг ненаветны соблюди, яко да твоими молитвами, святе, согрешений наших оставление получим и вечных благ сподобимся благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Это привет Юрию Казакову, другому мастеру короткого жанра (помним, что Новиков знаменит в первую очередь рассказами), писавшему об Архангельске и суровой северной природе.

Было обычно все кругом. Привычно глазу и скучно душе. Он ехал по дороге, вдоль которой унылой чередой тянулись болота, сменяемые изредка чахлым мшистым ельником, искривленной, тягостной сутью своей напоминающим здешнюю жизнь. Посреди болот печально высились рослые сухостоины, выбравшие вроде бы свободу пространства, но засушенные на корню недоброй ржавой почвой. Часто нездоровый лес прорезали жестокие вырубки, где безжалостное железо разорвало, смешало с землей пусть нелегкий, но за века устоявшийся лесной порядок. На них все было буро — покореженные ветви, обрубки стволов, брошенные в жестоком беспорядке огромные вековые пни. Людям не было дела до этого, лес молчал, природа с бесстыжей нежностью выставляла напоказ свои рваные раны, тихо пыталасьлизать их молодой несмелой порослью.

В нем можно усмотреть что-то общее даже с повестью «По прозвищу гуманоид» Надежды Васильевой, карельской писательницы, землячки автора. Особенно узнаваемо это в рассказе о детстве главного героя Гриши, где мир показан глазами ребенка, впервые столкнувшегося с жизненной несправедливостью (у Надежды Васильевой таким героем является Митька).

И вся гроздь была такой замечательной продолговатой формы, такая плотная и аккуратная на вид, что Гриша аж зажмурился. Какое-то прекрасное счастье обрушилось на него, обдало с ног до головы, как морская соленая волна. Такое счастье, что не было ссоры и непонятностей с Маринкой, и родители не ссорились, и погода всегда была хорошая, солнце ласковое, ветер прохладный, а море теплое. Такое счастье, что знаешь точно — оно не кончится и всегда будет. Такое счастье, что очень понятно — будь хорошим мальчиком, и воздастся.

Гриша открыл глаза. Протянул руки и взял гроздь в ладони. Она была прохладной и тугой как любимый, ярко-раскрашенный мяч. Гриша подергал ее. Гроздь не отрывалась, пришлось покрутить, и тогда в руках оказалась драгоценная тяжесть. Он с легким хрустом отделил одну ягоду и благодарно взял ее в рот. Счастливо улыбаясь, надавил зубами. Рот наполнился жгучей, едкой кислотой. Гриша сморщился от горечи, от боли, от обиды — и наконец заплакал.

Каждый может найти в этой книге что-то свое: и любитель природы, и верующий, и интересующийся историей, и ценитель меткого слова, и простой, как герой книги, человек, ведущий простую жизнь и тянущийся к своим корням. На последнее, помимо прочего, работают и воспоминания героя о черном хлебе с солью как лакомстве, рассказ о воевавшем деде — в современной ситуации ностальгии по всему советскому — именно такие моменты делают текст ближе и роднее читателю: *«Черный хлеб, политый постным маслом и посыпанный крупной солью, белый батон с сахарным песком — эти яства тоже были бабушкой».*

Для меня роман «Голомяное пламя» среди всех прочитанных за последнее время произведений современной русской литературы стал самым душевным. Пускай другие критики и литературоведы разберут его по рыбным косточкам, ну а от меня — спасибо Дмитрию Новикову за промозгло-северный и суровый, но такой близкий по духу и настроению роман.

А еще тут живет суровый, жесткий цветок. На камнях, на скалах, часто у самого моря цепляется он корнями что есть мочи за родную землю. <...> Ему не нужно верить, надеяться, ждать — он выживает и живет. «Золотым корнем» зовут его, потому что там, в тяжелой и мрачной глубине, извлекает он из всех невзгод и напастей своих тот сок, что живой водой будет для зверя и человека, выле-

чит, спасет, поможет. Забесплатно, за просто так. Потому что жизнь тяжела, смерть легка и есть между ними любовь.

Эмилия ВАСИЛЬЕВА